

П Р И Б А В Л Е Н І Я
к ъ в о л о г о д с к и м ъ
Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы М ъ В ъ Д О М С Т В А М ъ

(Г О Д ъ П Я Т Ъ Д В Я Д Ц А Т Ъ П Е Р В Ы Й).

Мая 15.

№ 10.

1915 года.

**Слово въ день тезоименитства Государыни Императрицы
Александры Θεодоровны, 23 апрѣля 1915 г.**

„Блаженіи людіе вѣдущіи воскликновеніе: Господи, во свѣтъ лица Твоего поидемъ“ (Псал. 88, ст. 16). Счастливъ тотъ народъ, который живетъ при свѣтѣ заповѣдей Господнихъ! — вотъ истина, о которой такъ часто напоминаетъ намъ слово Божіе. Но, братіе, жить по завѣтамъ Господа нашего Іисуса Христа учить насъ не только Священное Писаніе, но и жизненный опытъ; ибо исторически засвидѣтельствовано, что великъ и могучъ бываетъ народъ въ своей государственной жизни только тогда, когда онъ хранитъ въ сердцѣ своемъ Бога, и, наоборотъ, несчастенъ народъ, когда забываетъ Господа и живетъ такъ, какъ будто и Бога нѣтъ. Въ настоящее время, когда идетъ небывалая въ исторіи человѣчества война, будетъ особенно благо-временно, въ цѣляхъ нравственнаго назиданія обратиться къ дѣй-ствительности.

Сейчасъ предъ всѣмъ міромъ развернулись двѣ совершенно противоположныя картины: на одной яркими красками пред-ставлена культура нѣмецкаго народа, на другой—культура наша русская. Присмотримся сначала къ чужой картинѣ, чтобы вѣрнѣе оцѣнить потомъ собственную. Что же мы видимъ на ней? —Предъ нами народъ съ прославленной вѣковой высшей культу-рой, народъ поэтовъ и мыслителей, у котораго мы столь долго были учениками, народъ, ставшій христіанскимъ на полтысячу лѣтъ раньше насъ. Но смотрите: какая здѣсь духовная бѣд-ность и грубость наряду съ внѣшнимъ культурнымъ блескомъ! Просвѣщенный народъ не стыдится истязать стариковъ въ за-хваченной землѣ, разстрѣливать толпы мирныхъ жителей вмѣстѣ съ дѣтьми, грабить дома, разрушать храмы, осквернять святыни; не стыдится выкалывать глаза у раненыхъ, вырѣзывать языкъ и уши, сжигать ихъ живыми... Отъ ужасовъ этой картины въ нравственно здоровомъ человѣкѣ сжимается сердце и темнѣетъ въ

Преподобный Григорій, Пельшемскій чудотворецъ.

Когда святыи Діонисій Глушицкій созидаль свою обитель въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, неподалеку отъ него основаль свой монастырь другой замѣчательный подвижникъ на русскомъ сѣверѣ—преподобный Григорій Пельшемскій.

Мало свѣдѣній сохранила намъ древность о его жизни до постриженія въ иночество. Извѣстно только, что родился онъ еще во времена татарскаго ига, около 1322 года. Онъ былъ родомъ изъ Галича, родителями его были бояре Лопотовы. По своему времени онъ получалъ доброе христіанское воспитаніе и наученъ былъ грамотѣ. Родители его, когда сталъ онъ приходить въ возрастъ, захотѣли сочетать его законнымъ бракомъ. Но не къ мірской жизни стремилась его душа, а къ служенію Богу и жизни отшельнической. Одни говорятъ, что еще при жизни родителей, другіе—по смерти ихъ—онъ удалился отъ міра и уединился въ обители Пресвятой Богородицы, близъ озера. Здѣсь же, вѣроятно, принялъ онъ иноческое постриженіе и переименованіе Григоріемъ. Мірское имя его осталось неизвѣстнымъ.

Благочестивая жизнь и строгое исполненіе иноческихъ обѣтовъ обратили на него вниманіе и онъ удостоенъ былъ посвященія въ санъ пресвитера. Есть извѣстіе, что, съ теченіемъ времени, онъ удостоенъ былъ и игуменства въ обители своего постриженія.

Слава о дивныхъ подвигахъ и благочестіи Григорія быстро распространилась по окрестностямъ. Во дни своего игуменства онъ сталъ извѣстенъ Галичскому князю Юрію Дмитріевичу, отъ котораго и „умоленъ былъ, да просвѣтитъ благородныхъ чадъ его банею святого крещенія“. Этотъ князь былъ роднымъ братомъ великаго князя Московскаго—Василія Дмитріевича. Слава о подвижникѣ дошла и до самого великаго князя, который „призывалъ его къ себѣ благословенія ради“.

Но мірская слава не привлекала къ себѣ вниманія подвижника, давно уже умершаго для міра. Онъ стремился къ уединенію и духовнымъ подвигамъ. Между тѣмъ мѣсто его пребыванія обнаружилось и было извѣстно „сродникамъ его и всѣмъ вельможамъ земли Галичской“. Во множествѣ они стали стекаться къ нему. Не терпя такой славы, преподобный оставляетъ

обитель своего постриженія и удаляется въ старый Ростовъ, въ землѣ Залѣсской. Здѣсь онъ поселился въ обители преподобнаго Авраамія Ростовскаго, на краю города.

Но какъ подвижникъ ни избѣгалъ славы, она сама гналась за нимъ... Здѣсь скоро онъ сдѣлался извѣстенъ „правлящему апостольскій престолъ“ архіепископу Ростовскому Діонисію Святоторцу.

Этотъ замѣчательный архіепископъ былъ подвижникомъ святой горы Аѳонской. Въ княженіе великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго онъ пришелъ въ Москву и поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ. Когда онъ подвизался тамъ, пришли въ Москву старцы древняго Спасокаменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ просить себѣ игумена. Имъ и назначенъ былъ Діонисій Святоторецъ. Отсюда уже онъ возведенъ былъ въ архіепископы граду Ростову Великому.

Архіепископъ скоро обратилъ вниманіе на жившаго въ Аврааміевомъ монастырѣ подвижника Григорія: „знаемъ бѣ отъ святителя преподобный“, замѣчаетъ его древнее житіе. Поэтому, когда пришли въ архіепископу иноки изъ монастыря Всемиловскаго Спаса (съ Песковъ) просить себѣ архимандрита, послѣдній „сталъ увѣщевать“ принять на себя „архимандрію“ Григорія. Должно быть, не безъ колебаній принялъ на себя это начальство преподобный. Древнее житіе повѣствуетъ, что, кромѣ архіепископа Діонисія, его „умолялъ“ быть архимандритомъ граду Ростову и самъ великій князь Василій Дмитріевичъ.

Очевидно, на эти мольбы склонился подвижникъ и былъ поставленъ архимандритомъ. Но не долго пребывалъ онъ и въ этой чести. Стремленіе къ безмолвію и бесѣдѣ съ Богомъ заставило его покинуть и предѣлы Ростова Великаго: „поживе два лѣта въ монастырѣ томъ, утаився всѣхъ изыде ноцію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ“. Такъ повѣствуетъ старинное житіе.

Онъ пришелъ въ болотистыя окрестности Кубенскаго озера, къ преподобному Діонисію Глушицкому, когда тотъ устроилъ уже свою обитель. Онъ съ братскою любовію принялъ подвижника Григорія и по его просьбѣ далъ ему келлію въ пустынь, называемой Сосновецъ.

Въ житіи преподобнаго Діонисія такъ рассказывается объ этомъ событіи: „прииде же нѣкто, отъ града Галича, бывшій архимандритъ въ градѣ Ростовѣ, Григоріе именемъ. Сей моли

преподобнаго дати ему келлію. Преподобный, видя его благочестіе, даетъ ему келлію, идѣже созда церковь, въ пустынь, зовомой Сосновець“.

Далѣе житіе преподобнаго Діонисія дѣлаетъ краткое, но знаменательное замѣчаніе о совмѣстной жизни двухъ подвижниковъ—хозяина и гостя: „елма же видѣ (преподобный Діонисій) въ добродѣтелѣхъ мужа (св. Григорія), слюбися съ нимъ духовною любовію“ ...

Но не долго и здѣсь оставался преподобный Григорій. Скоро онъ самъ возымѣлъ желаніе создать „общую“ обитель. Съ дружественною любовію онъ простился съ временно пріютившей его обителью и преподобнымъ ея основателемъ и удалился на востокъ отъ нея, на рѣчку Пельшму. Это было въ 1422 году. Нѣкоторое время здѣсь пустынникъ подвизался одиноко, среди безмолвія. Но скоро стала стекаться къ нему братія. Первымъ сподвижникомъ его былъ одинъ іерей, именемъ Алексій. Онъ просилъ преподобнаго постричь его въ иноческій образъ. Преподобный исполнилъ его просьбу и при постриженіи нарекъ его Александромъ. Онъ сдѣлался потомъ преемникомъ преподобнаго по игуменству. Вслѣдъ затѣмъ стали приходять къ преподобному, по сказанію житія, „овогда единъ, иногда же два“. Составилось братство и преподобный сталъ заботиться о созданіи обители.

Въ тѣ времена страна наша представляла собою лѣсную и болотистую пустыню. Подвижники благочестія являлись часто первыми ея постоянными обитателями. Не легко было дикую пустыню превратить въ *градъ обительный*. Часто силъ иноковъ не хватало, чтобы расчистить лѣсное мѣсто, создать келліи, воздвигнуть церковь и устроить пахатныя поля для пропитанія братіи. Поэтому неудивительно, что въ житіи преподобнаго Григорія дѣлается слѣдующая замѣтка: „по времени нѣкоемъ посла (преподобный) нѣкоего отъ братіи къ христоролюбивому мужу, именемъ Мартину, и инѣмъ моля ихъ, да пошлютъ дѣлатель въ пустыню къ преподобному помощію ему“. Дѣлатели пришли, расчистили лѣсное мѣсто и устроили келліи. На очереди было устройство церкви. „Въ лѣто 1427, въ то время содержай апостольскій престоль града Ростова архіепископъ Ефремъ, приде къ нему преподобный благословеніе пріяти о составленіи обителя“. Испросивъ благословеніе, преподобный въ томъ же году создалъ малую церковь въ честь собора Пресвятой Богородицы, поставилъ трапезу и устроивъ все необходимое для братіи.

Когда создана была церковь, онъ призываетъ на ея освященіе своего друга — преподобнаго Діонисія Глушицкаго. Св. Діонисій, по сказанію его житія, „имѣлъ художество живописца“. Въ благословеніе новосозданной обители онъ принесъ святыхъ иконъ и душеспасительную книгу, называемую „Прологъ“, содержащую въ себѣ житія святыхъ угодниковъ Божіихъ. Онъ освятилъ новосозданную церковь и съ миромъ возвратился въ свой монастырь. Преподобный Григорій сталъ продолжать свои подвиги въ новосозданной обители, вмѣстѣ со своею братіей.

Житіе его передаетъ замѣчательный рассказъ изъ его жизни. Рассказъ этотъ показываетъ, какимъ великимъ уваженіемъ пользовался этотъ подвижникъ, не только среди окружавшихъ его въ обители, но и внѣ ея, даже и среди самихъ князей Галичскихъ, откуда имѣлъ онъ свое происхожденіе.

Въ 1471 году преподобный предпринялъ парочитое путешествіе въ царствующій градъ Москву. Въ Москвѣ происходили тогда великія нестроенія вслѣдствіе распри князей изъ-за великокняжескаго престола Московскаго. Распри эти были губительны для отечества, все еще стонавшаго подъ татарскимъ игомъ. Очевидно для того, чтобы прекратить эти нестроенія, и прибылъ туда преподобный Григорій.

Въ то время великокняжескій престолъ въ Москвѣ занималъ великій князь Василій Васильевичъ, впоследствии ослѣпленный Галичскимъ вьяземъ Дмитріемъ Шемякою и получившій прозваніе Темнаго. Тогда престолъ этотъ оспаривалъ у него отецъ Шемяки — сильный князь Юрій Дмитріевичъ Галичскій. Ему удалось силою отнять Москву у Василя Васильевича. Изгнанный изъ Москвы, князь Василій Темный получилъ себѣ въ удѣлъ городъ Коломну. „Зависти ради изгнаша его“, замѣчаетъ житіе преподобнаго Григорія.

Вотъ среди какихъ обстоятельствъ пришелъ въ Москву съ посохомъ странника польшемскій подвижникъ. Снѣ смѣло явился ко князю Юрію Дмитріевичу и безъ боязни обличалъ его: „о княже Юріе! Подобае-ли пріяти власть сію?.. Не по Божіему строенію хочещи пріяти ю“. Князь Юрій внялъ сему обличенію, по сказанію житія Григорія, добровольно сложилъ отнятую насиліемъ великокняжескую власть и возвратился въ свой Галичъ, унаслѣдованный имъ по благословенію отъ отца своего.

Распра прекратилась, но къ сожалѣнію, не надолго. По смерти Юрія Дмитріевича великокняжескій престолъ стали опять

силою отнимать у Василья Васильевича дѣти Юрія, князя Галичскіе: Василій Юріевичъ, по прозванію *Косой*, и упомянутый Дмитрій Шемяка. Они снова изгнали великаго князя изъ Москвы. Тогда Василій Темный, уже ослѣпленный Шемякою, получилъ себѣ въ удѣлъ нашу Вологду. Но и здѣсь обиженнаго и поруганнаго великаго князя не оставляли въ покоѣ враги его. Князь Дмитрій Юрьевичъ, по сказанію житія преподобнаго Григорія, подступилъ къ Вологдѣ холодной зимой съ большою ратью. Онъ разорилъ много селеній въ ея окрестностяхъ, беспощадно истребляя ихъ обитателей. Жители Вологды заперлись въ городѣ, не смѣя вступить въ междуусобіе съ войсками „князя того немилостиваго“, какъ замѣчаетъ житіе преподобнаго Григорія; иные умерли съ голоду, другіе погибли отъ мороза, многіе разбѣжались и безвѣстно погибли. Немало такихъ бѣглецовъ спасалось въ обители Григорія и питалось монастырскимъ хлѣбомъ.

Видя въ такой бѣдѣ жителей Вологды и ея окрестностей, преподобный Григорій не стерпѣлъ столь тяжкаго междуусобія, снова взялъ посохъ странника и пошелъ дерзновенно къ жестокому князю Дмитрію. Придя къ нему, онъ столь же смѣло и безбоязненно сталъ обличать его, какъ нѣкогда обличалъ его родителя.

Въ лицѣ преподобнаго-обличителя предъ нами встаетъ во весь ростъ образъ великихъ стоятелей за святую Русь: образъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, обличителя князей Рязанскихъ, и образъ св. митрополита Филиппа, обличителя царя Іоанна Грознаго. Носитель великаго духа, пельшемскій подвижникъ такъ обличалъ немилостиваго князя: „о, княже Дмитріе! Развѣ ты не читалъ, что сказано въ Божественномъ Писаніи, что *судь безъ милости не сотворшему милости*“. Князь съ гнѣвомъ спросилъ подвижника: „Какой милости? Тутъ блаженный сталъ перечислять жестокія дѣла его: „князь! не по-христіански ты поступаешь, когда нещадно избиваешь своихъ же русскихъ людей. Такъ поступаютъ только поганые татары! Вотъ кому ты подражаешь. А ты, князь, православной вѣры; воюешь свою же Русь; твои войска братьевъ по вѣрѣ и крови предають жестокой казни. Если, князь, ты не прекратишь пагубнаго кровопролитія, пророчески вѣщаль ему подвижникъ, то потеряешь свою православную честь и лишишься своего княженія“.

Такъ мужественно обличалъ преподобный жестокаго князя. Дмитрій не могъ равнодушно снести обличеній дерзновеннаго старца и повелѣлъ его низринуть съ моста. Преподобный долго

лежалъ на землѣ безъ движенія. Еле живой онъ всталъ и съ трудомъ возвратился въ свою обитель.

Пророчество преподобнаго исполнилось: князь Дмитрій скоро долженъ былъ возвратиться къ родному ему Галичу; здѣсь онъ пораженъ былъ вѣрными союзниками великаго князя и послѣдній возвратился изъ Вологды въ Москву.

Такъ подвизался преподобный Григорій во вновь основанной имъ Пельшемской обители. Съ теченіемъ времени и самъ онъ предпринялъ путешествіе къ духовному другу своему преподобному Діонисію Глушицкому. Послѣдній предчувствовалъ уже свою близкую кончину и воспользовался пребываніемъ преподобнаго Григорія, чтобы составить свое духовное завѣщаніе. Грамота, содержащая въ себѣ это завѣщаніе, была составлена и написана рукою преподобнаго Макарія Глушицкаго, духовнаго отца Діонисіева, а у грамоты, какъ духовный свидѣтель, „сидѣлъ Григорій, старецъ Лопоть“. Такъ написано въ самой грамотѣ. На этотъ разъ свиданіе духовныхъ друзей въ семь мірѣ было уже послѣднее. 1 іюля 1437 года преставился преподобный Діонисій Глушицкій. Св. Григорій Пельшемскій дожилъ до глубокой старости. Житіе его повѣствуетъ, что преставленіе святого совершилось вскорѣ послѣ обличенія имъ князя Дмитрія. Можетъ быть даже низривнутой съ мосту, глубокой старецъ оттого и „впалъ въ сосуды смерти“. Предъ кончиною онъ передалъ игуменство ученику своему Александру и трогательно простился съ братією. Онъ преставился по согласному свидѣтельству всѣхъ списковъ древняго житія 30 сентября 1449 года, 127 лѣтъ отъ роду *).

Тотчасъ же по кончинѣ преподобнаго у мощей его начались чудесныя знаменія. „По преставленіи своемъ бѣснаго исцѣли“ — пишется о преподобномъ въ древнихъ рукописяхъ. Вскорѣ же послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ чудесныхъ знаменій у его гроба.

Мощи преподобнаго Григорія почиваютъ подъ спудомъ, внутри каменной монастырской церкви, воздвигнутой надъ его гробомъ. Надъ мощами сооружена благолѣпная рака, вверху которой написанъ его образъ. Около раки хранятся желѣзныя вериги, которыя носилъ на себѣ преподобный во время земной жизни.

П. Н. К.

*) Въ нѣкоторыхъ початыхъ изданіяхъ кончина преподобнаго Григорія относится то къ 1441, то къ 1442 году, но безъ достаточныхъ основаній.